

Он собирался изложить всё так, чтобы получилось одновременно и правдой, и не совсем правдой: признать, что Чжэн Цзюнь действительно выходил с ним на связь и пытался его купить; что после отказа тот не отстал, а, наоборот, цеплялся всё настойчивее, всё навязчивее, словно считал, что любой человек имеет цену — вопрос лишь в цифре. А в «Синюю Мечту» Линь Луси поехал только затем, чтобы поставить точку раз и навсегда: окончательно отвергнуть предложение, отрезать любые нити и больше никогда с этим человеком не пересекаться.

Дальше, по плану, он объяснит, что переговоры сорвались — слово за слово, напряжение нарастало, и в какой-то момент всё просто рухнуло в драку; отсюда и возник тот хаотичный, безумный вечер, который в итоге превратился в скандал с поломанными стенами и полицейскими сиренами.

Если не считать главного — того, что он не прежний хозяин этого тела, — остальное в целом складывалось ровно и убедительно. Даже если завтра кто-то отыщет Чжэн Цзюня и начнёт его допрашивать, их версии, по крайней мере внешне, не должны слишком расходиться.

А историю с тем, что он сначала взял деньги, а потом вернул, Линь Луси мог бы обернуть простой человеческой слабостью: на секунду помутился рассудок, поддался соблазну — а как только понял, что речь идёт о вреде Юэ Синхэ, тут же, без колебаний, отказался и от денег, и от сделки, и от любых «услуг».

Так он не только донёс бы до Юэ Синхэ главное послание — «я не сделаю ничего, что могло бы тебе навредить», — но и, если уж говорить цинично, аккуратно подправил бы к себе отношение: чуть-чуть поднял бы ту самую «шкалу симпатии», на которой сейчас его имя, скорее всего, болталось где-то внизу.

В принципе, это и был самый разумный вариант — самый безопасный, самый «рабочий» при условии, что он продолжит молчать о своём происхождении.

Но стоило ему встретиться с Юэ Синхэ взглядом — стоило сделать несколько глотков тёплого молока, которое тот почти по-домашнему подал ему в руки, — и всё, что Линь Луси вымучивал целый час, перебирая формулировки, шлифуя каждую фразу, будто сапёр провод, вдруг показалось отвратительно дешёвым.

Потому что главный герой — Юэ Синхэ, тот самый, из книги — уже успел пережить слишком много обмана и предательства. И после того, как Линь Луси на собственной коже ощутил его доброту — настоящую, простую, не требующую платы, — он внезапно понял: он не хочет и не может становиться ещё одним человеком, который встанет в очередь лгать Юэ Синхэ.

Не хочет говорить ему неправду.

В маленькой гостиной повисла тишина — несколько минут тяжёлой, неподвижной тишины, в которой слышно, как работает собственное сердце. Юэ Синхэ потёр пальцами висок, словно там пульсировала боль; губы его чуть разомкнулись — он явно собирался что-то сказать.

И именно в этот момент Линь Луси вдруг решительно втянул остатки молока одним длинным глотком, как будто вместе с ним проглотил сомнения, и поднял глаза — твёрдо, прямо.

— Я и правда влип в кое-что, — сказал он негромко. — Но... я не могу об этом рассказать.

Переход между мирами был его самым большим секретом — той линией, за которую нельзя ступать, потому что дальше начинается пустота. И если Юэ Синхэ узнает, что прежний Линь Луси уже мёртв, а он сам — всего лишь «подмена», человек с чужим именем и чужим лицом, то хорошего исхода ждать не придётся.

Даже если он вдруг решится на откровенность, откуда ему знать, поверит ли Юэ Синхэ, что смерть прежнего владельца тела — не его рук дело? Что это не убийство, не захват, не хитрая подстава?

Линь Луси не мог позволить себе такой риск. Он не хотел становиться врагом Юэ Синхэ — не хотел стоять с ним по разные стороны.

Но и обманывать — тоже не хотел.

Оставалось одно: пока что молчать. Не лгать, не выдумывать, не расписывать убедительные сказки — просто умолчать о том, что говорить опасно. А когда они станут ближе, когда между ними появится настоящая, глубокая доверительность — тогда... тогда, возможно, он решится рассказать всё до конца.

На долю секунды в золотистых глазах Юэ Синхэ словно похолодело: взгляд стал резче, глубже, тяжелее. Он медленно закрыл глаза — будто подавляя что-то внутри себя, — и та самая S-классная психосила, которая и так колебалась, напряжённая, сдерживаемая усилием воли, наконец прорвалась сквозь «замок» и бесшумно, почти незаметно просочилась наружу тончайшей струёй.

Линь Луси, не отводя взгляда, добавил — уже не объяснение, а просьбу, почти клятву:

— Но, пожалуйста, поверь мне: я никогда не сделаю ничего, что причинит тебе вред.

Он сказал — и замолчал, ожидая ответа. И вдруг его тело отреагировало раньше мыслей: Линь Луси резко огляделся по сторонам, напрягся всем корпусом, сжал кулаки так, что суставы побелели, будто где-то рядом спряталась опасность. На затылке, у самой шеи, волоски словно поднялись дыбом — чистая, животная настороженность, которую нельзя сыграть и нельзя «включить» специально.

Психосила Юэ Синхэ — невидимая, бесшумная — уже оказалась у него за спиной и потянулась к его затылку, к той точке, где можно «прочитать» и сломать человека.

Но не успела коснуться.

Линь Луси мгновенно поднялся, резко повернул голову и уставился в окно, словно там, в темноте, промелькнуло что-то опасное.

И в ту же секунду психосила Юэ Синхэ отпрянула назад — так, как отскакивает выпрямленная пружина, когда её отпускают: резко, со скрытым ударом.

Юэ Синхэ схватился за голову, брови его сошлись в болезненный узел, а из горла — помимо его воли — сорвался короткий, низкий стон.

Линь Луси этого не услышал. Он внимательно всмотрелся в ночь за окном, пытаясь уловить хоть малейший признак угрозы, но там не было ничего — только тьма и отражение комнаты в стекле. И, так и не найдя объяснения, он с сомнением отступил, решив, что, возможно, это просто нервы.

Слова были сказаны. Оставаться дальше смысла не было: теперь всё должно было решить время — оно одно умеет доказывать такие вещи без споров и оправданий.

— Я пойду к себе, — произнёс Линь Луси. — Ты тоже ложись пораньше.

Он открыл дверь и, уже выходя, обернулся к человеку на диване, повторив ещё раз — как будто ставил печать на собственном обещании:

— Верь мне. Я твой друг.

Дверь закрылась.

Юэ Синхэ распахнул глаза — и белки его были изрезаны красными нитями, как паутиной. Картинка перед ним расплывалась и двоилась, а в ушах стоял такой сильный звон, что он почти ничего больше не слышал.

Психосила в мозгу вела себя, как непокорное море: сначала — едва заметная зыбь, маленькая волна, от которой, кажется, можно отмахнуться... а потом — всё выше и выше, пока не поднимается штормовая стена, способная стать цунами. Волна за волной она билась в ментальный барьер, проверяя его на прочность.

Юэ Синхэ стиснул губы так, что они побелели; лоб его был прорезан напряжением, на висках вздулись жилы, переплетаясь, как корни деревьев, а на руках под кожей выступили синие,

набухшие сосуды — от того, что он терпел, сдерживал, не позволяя себе сорваться.

В этот момент он и правда походил на бездну, которая умеет пожирать. Холодная, яростная аура убийства, как невидимый хищник, обходила его кругами, словно выбирая, что разрушить первым.

Сколько это длилось — неизвестно. Время внутри таких приступов теряет форму. Но постепенно брови Юэ Синхэ чуть разошлись, взгляд стал менее затравленным, и тёмная, ледяная ярость рассеялась: он, наконец, подавил взбунтовавшуюся психосилу — грубо, силой, как ломают дикого зверя.

Он поднялся и шагнул в спальню.

В маленькой гостиной, среди мёртвой тишины, диван, столик, мебель — всё разом рассыпалось на множество кусков, словно по комнате прошёл невидимый клинок, разрезая предметы на части без единого звука.

А Линь Луси, вернувшись к себе, почувствовал облегчение — будто снял с груди тяжёлый камень. Он принял тёплый душ, с удовольствием смыл с себя грязь дня и остатки тревоги, после чего быстро забрался в постель. Прошло совсем немного времени — дыхание стало ровным, тело расслабилось, и сон подхватил его мягко, почти бережно.

Похоже, ему снилось что-то хорошее: уголки губ приподнялись, и на лице появилась лёгкая, довольная улыбка.

...

На следующий день онлайн-турнир по боям в Университете Союза продолжился.

Из-за того, что накануне Линь Луси выиграл, стоило ему появиться на площадке, как вокруг на мгновение стало тихо — а затем шум поднялся волной, как будто в толпе разом зажужжали пчёлы: переговаривались, перешёптывались, тыкали пальцем, поспешно делились версиями.

Да, он победил — но сама победа выглядела слишком театрально, слишком «случайно удачной», и это выводило людей из равновесия. Кроме небольшой горстки трезвых, внимательных зрителей, которые допускали, что тест таланта мог ошибиться и у Линь Луси всё-таки есть способности, большинство упорно держалось за более удобное объяснение: просто повезло.

Потому что всё, что произошло в бою, выглядело одновременно случайным и идеально совпавшим, будто судьба сама подставляла нужные ступеньки под его ноги. В этом не чувствовалось «руки», не было заметно усилия — а значит, признать, что это была чистая сила, значило признать и другое: его талант, возможно, выше, чем у соперника. Для толпы это было

слишком неприятно, слишком противоречило привычной картине мира.

Им легче было держаться за мысль о везении — до тех пор, пока Линь Луси не разобьёт это самоуспокоение чем-то очевидным, прямым и жёстким.

Были и те, кто строил теории заговора — мол, он подкупил противника, — но после того как университет выпустил официальное объявление и подтвердил отсутствие каких-либо «чёрных схем», эти голоса быстро стихли.

Однако вскоре внимание зрителей переключилось: впереди шли этапы один за другим — после выбывания начинался отбор, затем полуфинал, затем финал; время поджимало, а напряжение росло, и турнир становился всё интереснее.

Юэ Синхэ, обладающий в первоисточнике высочайшим талантом и тем самым «потолком силы», к которому в будущем будут стремиться все, прошёл этап выбывания так легко, что это выглядело почти унижительно для соперника: не прошло и десяти секунд, как тот уже был захвачен и прижат к земле, неспособный пошевелиться.

И хотя большинство присутствующих — прямо или косвенно, через разговоры студентов — уже знало, насколько Юэ Синхэ одарён, после его победы трибуны взорвались таким криком и таким восторгом, что овации не стихали несколько минут. Популярность была очевидна и почти физически ощутима.

Если смотреть со стороны, «громкость» Линь Луси и Юэ Синхэ в эти дни была сопоставимой — просто разница в том, что одного обожали и восхваляли, а другого ругали и презирали с той же энергией.

После этапа выбывания почти сразу начался этап отбора.

И вот этот бой для Линь Луси был уже не просто очередной схваткой. Он решал, попадёт ли он в полуфинал — и, что куда важнее, сможет ли вообще остаться в университете.

Ставки были слишком высоки.

В сети уже появились букмекеры: они тонко уловили момент, разогрели атмосферу, открыли линии, и коэффициенты взлетели.

В прошлый раз Линь Луси поставил на себя, имея всего несколько сотен, и в итоге поднял десятки тысяч; плюс те пятьдесят тысяч, которые проиграл Линь Лэ Инь... Внешне он выглядел первокурсником, но на самом деле Линь Луси было двадцать один, и теперь у него набрался небольшой запас — больше десятка тысяч, — так что о выживании в ближайшее время можно было не думать.

К тому же ему повезло ещё и с лицом: оно сохраняло юношескую «нежность», и, возможно, в этом была заслуга его древесной способности — исцеления. Иначе разница в возрасте с прежним Линь Луси, даже при полном сходстве черт, всё равно дала бы заметный сдвиг во внешности — и «замена» не была бы настолько безупречной.

Отборочный бой у Линь Луси стоял на этот день, во второй половине. В обед они поели в столовой, и там как раз появился новый десерт — его расхватывали так, будто это не сладость, а редкий ресурс. Линь Луси, собрав всю свою прыть, успел перехватить последнюю порцию прямо перед тем, как витрина опустела, и почти сразу поставил её перед Юэ Синхэ.

С улыбкой — мягкой, светлой — он сказал:

— Попробуй. Вкусный. И не слишком сладкий — думаю, тебе понравится.

Когда Линь Луси не улыбался, он напоминал дорогую, изящно сделанную куклу; но стоило ему улыбнуться, и казалось, будто вокруг него появляется свет — настолько это было красиво, почти как картина.

Юэ Синхэ посмотрел на маленький розоватый комочек десерта, и в его взгляде мелькнула тихая, бессильная забота — такая, какая бывает у человека, которому неудобно принимать чужое, но который не умеет грубо отказывать.

— Ешь сам, — сказал он.

Линь Луси ожидал этой реакции. Он похлопал себя по животу, изображая тяжёлую сытость:

— Эх, я бы с удовольствием... но я, кажется, переел.

И он даже вздохнул — так, будто действительно жаль; но в этой «досаде» пряталась другая, более настоящая эмоция — желание поделиться. На самом деле он и правда любил сладкое, иначе не стал бы тащить последнюю порцию именно к Юэ Синхэ.

Юэ Синхэ ничего не оставалось. Он всегда старался быть мягким и не топтать дружескую доброту, какой бы ни была его внутренняя настороженность. Он взял маленькую серебряную ложечку, аккуратно зачерпнул сверху крошечный кусочек и отправил его в рот.

Линь Луси ухватился пальцами за край стола, слегка подался вперёд — глаза раскрылись чуть шире, в них появилась детская, искренняя ожидательность:

— Ну как? Вкусно? Правда ведь неплохо?

Десерт таял мгновенно: стоило лишь слегка прижать его языком — и он уже стекал в горло,

мягко и незаметно, как тёплый воздух.

Рука Юэ Синхэ, державшая ложку, едва уловимо напряглась — так, что это можно было принять за игру света, за случайность.

Он слегка кивнул:

— Нормально.

Покончив с обедом, они поднялись: пора было идти на площадку. Юэ Синхэ тоже встал и неожиданно сказал:

— Вы идите впереди. Я зайду в уборную. Не ждите.

Он ушёл широким шагом, внешне спокойный, даже неторопливый — но Линь Луси почему-то не отпускало ощущение, что в этом движении есть что-то неправильное, какая-то слишком ровная, слишком выверенная поспешность.

Линь Луси не стал уходить сразу. Он махнул Крис и Цинь Хао:

— Вы идите. Я подожду его здесь.

Они удалялись, растворяясь в потоке студентов, а Линь Луси подошёл к автомату самообслуживания, провёл оплату и купил несколько бутылок напитков. Сложив их в бумажный пакет, он вышел к дверям столовой и остановился ждать.

Народу внутри было по-прежнему много: туда-сюда ходили студенты, смеялись, спорили, обсуждали турнир, и стоило кому-то заметить Линь Луси, как тотчас же люди начинали задерживаться, оборачиваясь.

Теперь его имя, пожалуй, было самым громким в университете — не уступало даже Юэ Синхэ. Только причина была иной: в основном это была слава со знаком минус — репутация, подпитанная слухами о дурном характере и «грязных приёмах», — и лишь небольшая доля приходилась на тех, кто любил глазами и не мог отрицать очевидное.

Потому что внешность у него действительно была слишком хороша: ресницы густые, длинные — словно нарощенные от природы. «Он что, и правда ресничный демон?» — невольно думали даже те, кто его терпеть не мог.

И всё же любая симпатия, рождавшаяся из внешности, мгновенно сдувалась, стоило вспомнить его репутацию.

— Чего он тут стоит?

— Я видел, Крис и Цинь Хао уже ушли, Юэ Синхэ тоже нет... Слушай, а он не ждёт ли специально Гао Кэюнь?

— В последние дни он был тише воды, я думал, наконец отстал... А выходит, не успокоился. Да только госпожа Гао на него и не посмотрит.

Шёпот окружал его со всех сторон, словно лёгкий, настойчивый шум дождя. Линь Луси, прищурившись, просто грелся на солнце и почти не слушал. Даже если бы услышал — не принял бы близко к сердцу.

Зачем тратить силы на чужие языки, когда можно лишнюю минуту постоять под солнцем и просто посмотреть на мир?

Обыденность была ценнее любой победы.

Линь Луси поднял голову к небу и вытянул руку в свет, словно проверяя, настоящее ли это тепло.

Тепло.

И неожиданно, без всякой логики, он подумал о Юэ Синхэ — о человеке, который тоже напоминал солнце; о его присутствии, которое ощущалось как свет.

Он задумался — и в этот момент рядом девушка, спускаясь по ступеням, неудачно подвернула ногу. Потеряв равновесие, она полетела прямо на него.

Голова Линь Луси в ту секунду была пустой — мысли где-то далеко, — но тело, прожившее слишком долго в опасности, успело вырастить привычку реагировать быстрее сознания. Услышав движение, он мгновенно сменил позицию и уклонился, почти без усилия.

Только уже отступив, он опомнился, увидел, что это девушка и что всё произошло случайно, — и потому в последний момент с невероятной, почти невозможной точностью «снял» удар: резко развернул тонкую, сильную талию, увёл уже начавшуюся атаку в сторону, и нога, которая могла бы стать бедой, прошла опасно близко — едва не зацепив её, — но вместо этого с хрустом и звоном разнесла стекло у входных дверей столовой, пройдя по самой кромке над её головой.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод